

Владимир ВОЙНОВИЧ

«ПИСАТЕЛЬ ОН БЫЛ НЕПЛОХОЙ...»

«АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ» сознания моего не перевернул, но на мнение об авторе повлияло.

Оно стало не лучше, а хуже. Я ведь до сих пор держал его почти за образец. Пишет замечательно, в поведении отважен, в суждениях независим, перед начальством не гнется и перед опасностью не сгибается, всегда готов к самопожертвованию...

Я смотрел на него, задравши голову и прижимываясь, чтоб не ослепнуть.

Но вот он стал снижаться кругами и, вопреки законам оптики, становился не больше, а меньше.

МЕНЯ НЕ СТОЛЬКО ТО СМУТИЛО, что он под псевдонимом «Ветров» подписался в лагере обязательство сотрудничать с «органами», сколько возникшее при чтении этого эпизода в «Архипелаге» чувство, что признание выдается за чистосердечное, но сделано как хитроумный опережающий шаг. Воспоминатель поспешил обнародовать этот случай, не дожидаясь, пока за него это сделают его гештальные оппоненты.

Сам факт меня не смутил бы, если бы речь шла о ком-то другом.

Я обычно не осмеливаюсь судить людей за слабости, проявленные в обстоятельствах, в которых мне самому быть не пришлось. Тем более, я не поставил бы лыко в строку тому, кто обязательство подписал, но от исполнения уклонился и сам поступок свой осудил. Любого в такой ситуации корить было бы хорошо. Но в данном случае речь идет о человеке, который претендует на исключительную роль непогрешимого морального авторитета и безусловного духовного лидера. Он с особой настойчивостью и страстью попрекает нас в конформизме, обвиняет во всех наших слабостях и грехах, видя себя самого стоящим на недоступной нам высоте.

А оказывается, на доступной высоте он стоит. Но претендует на большее.

Он от исполнения обязательства уклонился, а в то, что так же могли уклониться другие, не верит. Почему же? Насколько нам известно (и сам он о том свидетельствует) даже и в тех крайних обстоятельствах жизни были люди, которые на подобные компромиссы не шли вообще.

Я ПРОДОЛЖИЛ ЧТЕНИЕ и, чем дальше, тем чаще морщился...

Дошел я до описания строительства заключенными Беломорканала и споткнулся на том месте, где автор предлагает выложить вдоль берегов канала, чтоб всегда люди помнили, фамилии лагерных начальников: Фирин, Берман, Френкель, Коган, Раппопорт и Жук. Во времена борьбы с «космополитизмом» советские газеты так вот выстраивали в ряд еврейские фамилии врачей-убийц или еще каких-нибудь злодеев этого племени. Но неужели среди начальников Беломора вообще не было русских, татар, якутов или кого еще? А если и не было, то надо же понимать, что эти шестеро, как бы ни зверствовали, были всего лишь усердными исполнителями высшей воли. Истинным вдохновителем и прорабом этого строительства, был как раз тот, чьим именем канал по справедливости и назван — Иосиф Сталин.

Сначала я попробовал допустить, что список составлен случайно. Писатель привержен правде, и ему все равно — какие фамилии были, те и поставил. А может, он просто не различает и различать не хочет, какие фамилии еврейские, какие нет, может, он выше этого? Но по другим текстам (например, о крестном ходе в Переделкине) видел я, что отличает он евреев от всех других и по фамилиям, и по лицам. А если так, то после Освенцима и Трелинки, после дела врачей-убийц и травли «безродных космополитов» для большого русского писателя, знающего, где он живет и с кем имеет дело, приводить такой список без всяких комментариев, не странно ли? Если не понимает, что пишет, значит, не очень умен, а если понимает, значит другое...

ГДЕ СОЛЖЕНИЦЫН НИ ТРОНЕТ «ЕВРЕЙСКУЮ ТЕМУ», там очевидны старания провести межу между евреями и русскими, между евреями и собой. В упомянутом выше очерке о крестном ходе в Пере-

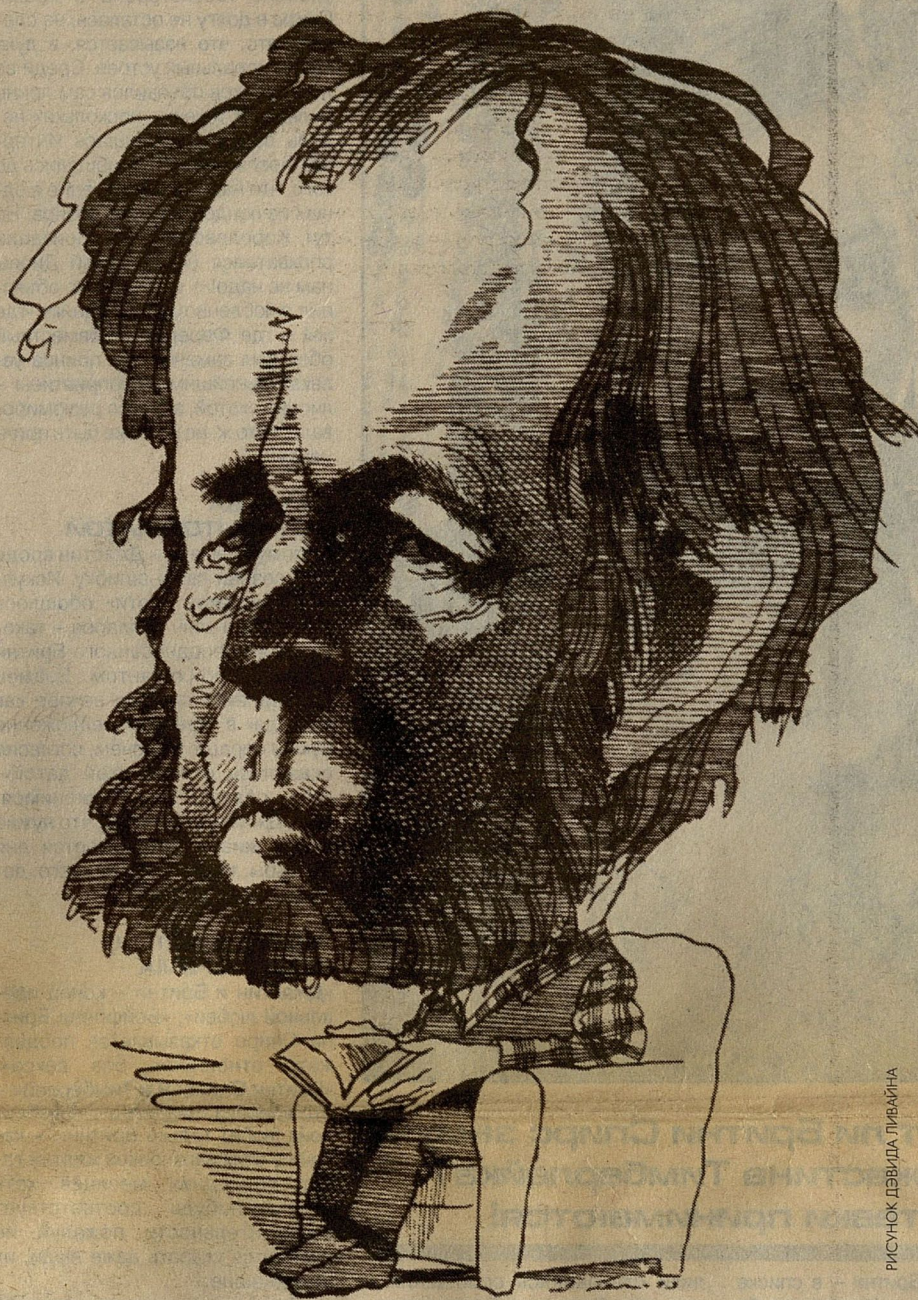

РИСУНОК ДЭВИДА ЛИБАЙНА

Не надо быть пророком, чтобы предугадать какой шум поднимется после выхода книги Владимира Войновича «Портрет на фоне мифа» (издательство «ЭКСМО-Пресс, 2002»). Слишком болезненна для многих ее тема — психология русского диссидентства, кумиротворчество, слишком известен герой — Александр Исаевич Солженицын.

В Переделкине замечает в толпе разнужданной русской молодежи несколько «мягких еврейских лиц» и делится соображением, что «евреев мы бесперечно ругаем», а, мол, и молодые русские тоже ничуть не лучше. Сидя в Вермонте и читая русские эмигрантские газеты, где работают евреи (а в каких русских газетах они не работают?), он называет эти издания «их газеты на русском языке». И это все тем более странно, что так или иначе всю жизнь ведь был окружен людьми этой национальности, чистыми или смешанными (да и жена, а значит, и дети его собственные не без примеси, а по израильским законам и вовсе евреи). Даже те из близких к нему евреев, кого я лично знаю, настолько люди разные, что я затруднился бы объединить их по каким-то общим признакам, не считая графы в советском паспорте.

ЗАЩИЩАЯ РУССКИХ, постоянно оскорбляет всех остальных и сам этого не сознает. Какую национальность ни помянет — украинцев, казахов, татар, чеченцев, — обязательно скажет о ней что-то обидное. Выделяя, кажется, только эстонцев и литовцев — эти у него почему-то хорошие. Защищаясь от обвинений в недоброжелательстве к другим народам, вспомнил и поставил себе в заслугу, что в «Раковом корпусе» с сочувствием описал страдания умирающего татарина. Но, описывая, помнил, что это именно татарин, а не просто умирающий от рака человек.

Подчеркивая постоянно свою русскость и свою заботу только о русских, он уже одним этим разжаловал себя из мировых писа-

телей в провинциальные. Мировой писатель, естественно, привязан к своей культуре и к своему языку, но все люди для него — люди, страдают они все одинаково, и качество крови зависит не от национальности, а от группы, резус-фактора, количества тромбоцитов, эритроцитов, сахара, холестерина и прочих составляющих.

ЧЕРЕЗ ПОЧТИ СЕМЬ ЛЕТ ПОСЛЕ СОЛЖЕНИЦЫНА и мне выпала судьба оказаться на Западе. К тому времени подоспели уже очередные «узы» (название частей художественно-документальной эпопеи «Красное колесо» — Ред.).

Я попробовал почитать — не пошло. Скучно! Громоздкий текст с языком местами вычурным, а местами просто невыразительным, с петитными многословными вставками и выпадающим из стиля неуклюже-модернистским приемом переноса действия на воображаемый экран. «Голос Америки» изо дня в день передавал главы в авторском исполнении. Я перестал слушать «Голос Америки». Разумеется, какие-то солженицынские поклонники встретили его «повествование в отмеренных сроках» с восторгом, но в целом эмигрантская пресса растерянно молчала. Сказать, что это хорошо, было по совести невозможно, а сказать, что плохо, долго никто, включая меня, не решался.

ДАЖЕ ЕСЛИ Б Я ОТНОСИЛСЯ К СОЛЖЕНИЦЫНУ ХУЖЕ, чем есть, и стремился навязать публике свое представление, у меня ничего бы не получилось. Никто ни-

кого не может ни вписать в литературу, ни выписать из нее. Даже Толстому не удалось отменить Шекспира, а Набокову — Достоевского. Пушкина толпой stalkивали с корабля истории и не столкнули. У меня достает ума не заниматься тем же, и в своих прогнозах я готов ошибиться.

Мое мнение, может быть, ошибочное, но честное. Солженицын — историческая фигура. В истории он останется. Как потомки оценят его роль, не знаю. Думаю, оценят по-разному, в зависимости от пристрастий оценщика. Но как писателя...

ПРАВДУ СКАЗАТЬ, Я ЕГО ДАВНО НЕ ЧИТАЮ. Когда мне хочется почитать кого-нибудь ближе к нашему времени, моя рука тянется к Зощенко, Булгакову и Платонову, но почти никогда — к Солженицыну.

Может быть, я предвзято к нему отношусь? Может быть. Хотя стараюсь быть объективным. «Один день Денисовича» и сейчас кажется мне шедевром, но оставшимся в своем времени. Перечитывать не тянет. «Матренин двор» — очерк. Неплохой, но достаточен для одноразового чтения. Об «узлах» я уже все сказал. «В круге первом» или «Раковом корпусе» концы хорошо написаны, но до них еще надо добраться. «Случай на станции Кречетовка» мне с самого начала не нравился. О крохотках, двучастных рассказах и суточных повестях (навевают воспоминания о суточных щах) говорить не буду. Что же до «Архипелага Гулаг», то в безусловности его художественных достоинств я сомневаюсь, а как исторический источник он тоже ценностью свою утратил. Открылись архивы, опубликованы документы, факты, цифры, которых автор просто не мог знать. Конечно, историкам будут интереснее документально подтвержденные данные, чем даже добросовестные эмпирические догадки.

УБЕЖДЕНИЕ ЛИДИИ ЧУКОВСКОЙ, что Солженицын, как Пушкин, создал новую прозу и новый язык, теперь кажется наивным...

Я не выискивал специально какие-то фразы. Открыл наугад «Август Четырнадцатого», полистал и прочел:

... доотказным раствором рук...

Бы со сковородки подскочил полковник...

А сарай оказался — скотий, ну-у! для скота...

А сенькина кобыла с пережахи да перек дороги взяла.

Головка сыра (имеется в виду влажная человеческая голова, а не продукт сыроварни — В.В.) всё ещё в поту, под сбегрененной фуражкой глядела щелковидно, уверенно.

Страх и ужас на лицах (при пожарном свете).

Жил он в Вермонте в отшельстве.

Нападали на него охуждатели (для поэта находка под рифму «ох, уж датели!»)...

А всякие слова, вычитанные у Дала и самостоятельно сочиненные! Неудобнопроизносимые. Не всегда понятно, что означают.

Натучный скот, натопчивая печь, на поджиде, внимчивый, всгончивый, дремчивый, расколыханный, приглушный и прочие.

Этих слов много, они вылезают из текста, заставляя нас спотыкаться и думать, что бы они означали, и они же, собственно, и являются важной составляющей его стиля. А слова, которые мы считаем обыкновенными, вот они-то и случайны, не нашлось им вычурной замены.

Я ЛИЧНО НЕ ПРОТИВ. Каждый писатель имеет право писать, что и как хочет, потому что каждый читатель имеет право этого не читать. Или, читая, иметь собственное мнение. Мое мнение сводится к тому, что писатель он был неплохой, местами даже замечательный, но представления о его величии, гениальности, пророческих способностях и моральной чистоте относятся к числу мифических. Во многих проявлениях он выглядит человеком слабым, самовлюбленным, высокомерным, обуянным непомерной гордыней, греховным. Миф под названием «Солженицын» постепенно (и с его собственной помощью) развевается... Но вирус мифотворчества, мифомании, мифофрении остается и время от времени будет давать новые вспышки той же болезни, но соотносительной с какой-нибудь другой личностью.

С сокращениями.